

ныхъ привязанностей у него никогда не было: онъ любилъ всѣхъ и все и не огорчался разлукою съ тѣми лицами, къ которымъ чувствовалъ свою «ласковую нѣжность».

Прослуживъ довольно долго въ солдатахъ, онъ не утратилъ своего добродушія и любви ко всему крестьянскому. Крестьянинъ крѣпко сидѣлъ въ немъ. Излюбленною темою его разсказовъ былъ крестьянскій бытъ.

Часто, начиная что-нибудь разсказывать (говорить онъ любилъ и говорилъ очень хорошо), Платонъ не зналъ, чѣмъ окончить, и порою не могъ повторить только-что сказанное.

Особою его любовью пользовался разсказъ про купца, несправедливо сосланнаго въ каторжныя работы; тутъ видѣнъ высшій, стоящій выше человѣческихъ условій, судъ надъ жизнью, вѣра въ высшій судъ и какой-то странный жизнерадостный пессимизмъ.

«Рокъ головы ищетъ. А мы все судимъ: то не хорошо, это не ладно. Наше счастье, дружокъ, какъ вода въ бреднѣ: тянешь—надулось, а вытащишь—ничего нѣтъ», — говоритъ Каратаевъ и, хотя зоветъ смерть Божьимъ прощеніемъ, все же думаетъ немало и о житейскомъ.

Типъ Платона Каратаева съ особенной тщательностью описанъ Л. Толстымъ.

Признаніе высшаго суда надъ жизнью и странный жизнерадостный пессимизмъ—эти одни изъ главныхъ привлекательныхъ свойствъ русской природы—вездѣ особенно любовно отмѣчаются Л. Толстымъ въ своихъ герояхъ. Эти же черты проведены и въ Платонѣ Каратаевѣ.
